

УДК 34**Актуальные проблемы квалификации преступлений,
предусмотренных ст. 159 УК РФ****Тертюк Валентин Вячеславович**

Аспирант,
Московский университет им. А.С. Грибоедова,
105062, Российская Федерация, Москва, ул. Чаплыгина, 1с1;
e-mail: impe.griboedova@iile.ru

Аннотация

Цель исследования заключается в анализе проблематики уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьями 159.1-159.6 Уголовного кодекса РФ. Методы исследования: анализ, обобщение, формализация, конкретизация. По результатам исследования автор пришел к выводу о том, что к настоящему моменту соответствующий уголовно-правовой институт претерпел множество существенных изменений и дополнений, что требует также и расширения правовых норм об ответственности за «специальные виды» мошенничества, что, в свою очередь, обуславливает сложности квалификации данных преступных деяний в ходе правоприменительной работы с мошенничеством в цифровой сфере. Выводы: основной отличительный признак дистанционного мошенничества выражается в отсутствии непосредственных взаимодействий преступника и пострадавшего. В свою очередь, цифровое мошенничество может предусматривать прямые взаимодействия, при обязательном условии задействования цифровых информационных технологий в процессе осуществления противоправного намерения.

Для цитирования в научных исследованиях

Тертюк В.В. Актуальные проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 4А. С. 357-363.

Ключевые слова

Мошенничество, специальные виды мошенничества, проблемы квалификации, цифровое мошенничество, квалификация преступления, дистанционное мошенничество.

Введение

После расширения Уголовным кодексом Российской Федерации (далее УК РФ) комплекса нормативно-правовых положений (ст. ст. 159.1-159.6), регулирующих т.н. «специальные» виды мошенничества, произошли значительные преобразования и корректировки данного института. На современном этапе развития федеральной нормативно-правовой базы, касающейся ответственности за мошенничество, ее структура объединяет в себе следующие компоненты:

- первый компонент представлен «базовыми» положениями об ответственности за мошенничество, закрепленными ч. 1-4 ст. 159 УК РФ;
- второй компонент представлен «специальными» положениями об ответственности за мошенничество, закрепленными ст. ст. 159.1-159.6 УК РФ;
- третий компонент представлен положениями об ответственности за мошенничество, связанное с умышленным и целенаправленным неисполнением условий соглашений со стороны субъектов предпринимательской деятельности (далее по тексту – СПД);
- четвертый компонент представлен положениями об ответственности за мелкое хищение, осуществленное субъектом, ранее привлеченным к административной ответственности за аналогичное неправомерное деяние (ст. 158.1 УК РФ).

По нашему мнению, усилия отечественного законодателя, направленные на развитие института ответственности за мошенничество, являются неуклонными, целеориентированными и аргументированными.

Основное содержание

Основная задача, сформулированная при разработке Федерального закона РФ №207-ФЗ, предназначенного для вышеуказанного расширения состава УК РФ, заключалась в строгой дифференциации «бытового» мошенничества и мошенничества в сфере бизнеса. Очевидно, что впоследствии, при корректировке и совершенствовании рассматриваемого института, отечественный законодатель четко следовал поставленной задаче.

Так, после рассмотрения Конституционным Судом РФ дела о соответствии российскому конституционному законодательству норм ст. 159.4 УК РФ и выявления их антиконституционного характера, законотворческий орган нашего государства отменил данные уголовно-правовые положения. Впоследствии, в УК РФ вновь были включены нормы об уголовном наказании за преступление, осуществленное в форме мошенничества при одновременном сознательном и целенаправленном неисполнении обязательств, обусловленных соглашениями СПД (ч. 5-7 ст.159 УК РФ). С нашей точки зрения, такая позиция отечественного законотворческого органа наглядно демонстрирует правильность концептуальной идеи о дифференциации «бытового» мошенничества и мошенничества в сфере бизнеса. Об этом свидетельствуют действия законодателя, который неизменно следовал принципам данного подхода в течение продолжительного времени его внедрения, несмотря на нередкую критику со стороны субъектов правоприменительной деятельности.

Рассматривая поступательную направленность усилий законодателя по совершенствованию института ответственности за мошенничество, необходимо отдельно подчеркнуть эффективную работу, связанную с корректировкой норм ст. ст. 159-159.6 УК РФ. Соответствующие преобразования были осуществлены в 2018 г. и касались последующего разграничения отдельных квалифицирующих характеристик анализируемых преступлений. Как следствие, их современная дифференциация предполагает следующие категории: мошенничество в

значительном размере; мошенничество в крупном размере; мошенничество в особо крупном размере.

Тем не менее, на современном этапе развития отечественного института ответственности за мошенничество сохраняются некоторые недостатки его нормативно-правового содержания, что, в свою очередь, обуславливает сложности квалификации данных преступных деяний в ходе правоприменительной работы [Боронина, 2023]. Выделим преимущественные и наиболее значимые недостатки:

- отсутствие четких и недвусмысленных параметров дифференциации самостоятельных видов преступных деяний [Бадзгардзе, 2022];
- отсутствие четкости значительного числа отсылочных характеристик «специальных видов» рассматриваемых преступлений [Бегишев, 2017];
- отсутствие ясного понимания спектра криминализации (в частности, законодателью понадобилось более пяти лет для определения узости объемов криминализованных проявлений, закрепленных положениями ст. 159.3 УК РФ, и распространения уголовного наказания за мошеннические преступления с любыми цифровыми платежными средствами, а не только с банковскими картами, как это было ранее) [Боровских, Зыков, Семенов, 2020];
- низкий уровень проработки отдельных квалифицирующих характеристик признаков самостоятельных составов мошенничества.

Отдельные недостатки были нивелированы посредством официальных разъяснений, представленных в тексте Постановления Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее по тексту – Постановление №48).

В п. 11 Постановления №48 закрепляются параметры причисления хищения к преступному деянию в виде мошеннических посягательств, установленному ч. 5-7 ст. 159 УК РФ. Среди указанных параметров, помимо прочего, раскрываются характеристики объекта посягательства, пострадавшего от преступления лица, своеобразия вины субъекта мошенничества и пр. Следует особо подчеркнуть высокую ценность этих разъяснений для четкой и адекватной квалификации преступления, осуществленного в форме мошенничества при одновременном сознательном и целенаправленном неисполнении обязательств, обусловленных соглашениями СПД.

В пп. 13-14 Постановления №48 закрепляются варианты преодоления основных актуальных сложностей квалификации преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ (устанавливается непосредственный объект мошеннических посягательств, характеристики пострадавшего и преступника). Следует отдельно подчеркнуть прогрессивность Постановления №48, которое строго закрепляет разнице между мошенничествами, предусмотренными «специальным» и «базовым» уголовно-правовыми положениями, а также смежным преступным деянием, предусмотренным ст. 176 УК РФ.

В пп. 15-16 Постановления №48 закрепляются способы преодоления сложностей квалификации преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ (устанавливается легальная дефиниция термина «социальная выплата» в контексте вышеуказанного уголовно-правового положения, приводится их классификация, указываются варианты смежных выплат, определяется своеобразная специфика «обмана» как квалификационной характеристики данного преступного деяния и пр.).

В пп. 17-18 Постановления №48 закрепляются варианты преодоления актуальных сложностей квалификации преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, для его обособления от схожих составов, предусмотренных ст. ст. 158, 186, 187 УК РФ.

В пп. 19 Постановления №48 закрепляются способы преодоления сложностей квалификации преступления, предусмотренного ст. 59.5 УК РФ (устанавливается специфика характеристик объективной стороны данного состава и пр.).

В пп. 20-21 Постановления №48 закрепляются варианты преодоления актуальных сложностей квалификации преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ. Указанные рекомендации затронули вопросы характеристики объекта преступления посредством:

- выделения признаков его отграничения от «базового» мошенничества, закрепленного положениями ч. 1-4 ст. 159 УК РФ;
- определения параметров его дифференциации от кражи;
- выявления специфики «обмана» как квалифицирующей характеристики объективной стороны состава рассматриваемого преступного деяния;
- закрепления советов о квалификации этого преступления по совокупности с иными преступными деяниями, связанными с компьютерной информацией (ст. ст. 272-274.1 УК РФ).

Пять лет назад, отчетная информация, аккумулируемая МВД России, стала включать в себя ранее не используемую характеристику преступлений – противоправные деяния, осуществляемые с применением цифровых технологий или касающиеся цифровых данных. Соответствующая категория включает в себя и мошеннические посяательства (ст. ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ).

На сегодняшний день, в отечественной уголовно-правовой науке отсутствует универсальная общепринятая позиция к рассмотрению мошенничества, реализуемого при помощи цифровых технологий. Так, одни исследователи причисляют к этой категории компьютерные преступления [Гундериц, 2020]. Иные ученые оперируют понятием «информационно-телекоммуникационное мошенничество» [Пучков, 2022]. Третьи авторы вводят в научный оборот термин «дистанционное мошенничество» [Ибатуллина, 2025].

В контексте настоящей работы, цифровое мошенничество рассматривается в качестве антисоциального неправомерного действия, предполагающего задействование цифровых технологий для хищения собственности посредством лжи, уловок или злоупотребления доверием [Гундериц, 2020]. По нашему мнению, цифровые технологии представляют собой инструменты, алгоритмы и способы нахождения, сбора, изучения, анализа, оценки, выдачи и трансляции информации.

Классификация составов преступных деяний по критерию своеобразия их объективной стороны, принятая в современной уголовно-правовой науке нашей страны, предполагает дифференциацию на две типологических группы: материальные и формальные.

Поскольку мошенничество причисляется к типологической группе материальных составов, доступность полноценного определения структуры объективной стороны данного преступления обуславливается необходимостью выявления и оценка следующих составляющих: факта наличия социально опасного деяния; факта наличия неблагоприятных последствий; факта наличия взаимообусловленности между деянием и наступившими последствиями.

Итак, единственный вариант реализации рассматриваемого социально опасного деяния – конкретные действия (иными словами, это преступление невозможно осуществить посредством бездействия).

Индивидуализирующей характеристикой объективной стороны рассматриваемого преступления является способ. В данном случае, существует лишь два возможных варианта. Первый вариант предусматривает обман, альтернативным вариантом выступает

злоупотребление доверием (сознательное и корыстное использование дружелюбного отношения со стороны потерпевшего).

Анализ содержания диспозиции ст. 159.3 УК РФ показывает сохранение вышеуказанных обязательных способов осуществления данного преступления. При этом, здесь присутствует факультативная характеристика, выражающаяся в присутствии цифровых транзакций.

По мнению отечественных ученых, объективная сторона ст. 159.6 УК РФ выделяется индивидуальными особенностями. Так, наряду с общими для мошенничества способами осуществления данного преступления, в диспозиции этой уголовно-правовой нормы закреплены и другие варианты, в частности: добавление, уничтожение, блокирование или изменение цифровых данных; иное постороннее вторжение в работу цифровых технологий. В настоящее время, среди отечественных исследователей сохраняется актуальность проблематики определения места осуществления преступного деяния в форме мошенничества с задействованием цифровых технологий.

Существенным аспектом объективной стороны рассматриваемых преступлений является ограниченность форм реализации этих противоправных деяний исключительно действиями. Таким образом, совершить соответствующее преступление посредством бездействия невозможно. Одновременно, для квалификации цифрового мошенничества требуется также выявление и анализ способа осуществления преступления, негативных последствий (включая неимущественные), а также взаимообусловленности между деянием и наступившими эффектами.

Современная тенденция к поступательному увеличению случаев цифрового мошенничества актуализирует необходимость фиксации этого явления в национальной нормативно-правовой базе нашей страны. Представляется целесообразным расширить текущую редакцию ч. 3 ст. 159 УК РФ посредством включения в нее квалифицирующей характеристики «с применением цифровых технологий». Такой подход, по нашему мнению, обеспечит фокусировку акцента на высоком уровне социальной опасности таких преступлений.

В контексте оптимизации правоприменительной практики, считаем необходимым подчеркнуть отличие сформулированного нами предложения от текущего варианта содержания п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В сегодняшней редакции, указанное уголовно-правовое положение оперирует понятием «электронные средства платежа», имеющим ограниченную распространенность (сугубо финансовые ресурсы как исключительный предмет преступления). В свою очередь, в нашем нововведении речь идет обо всех вариантах и информационных ресурсах, применяемых в целях реализации противоправного посяательства.

Таким образом, на сегодняшний день со стороны отечественных законотворческих и правоприменительных органов отмечаются последовательные и целенаправленные усилия, ориентированные на дифференциацию «бытового» и «коммерческого» мошенничества. Положенная в основу современной нормативно-правовой базы и правоприменительной деятельности концептуальная идея о разграничения криминального наказания за самостоятельные составы мошенничества, которые характеризуются неодинаковой природой противоправного деяния и уровнем социальной опасности, показывает преимущественно позитивные эффекты.

Тем не менее, одновременно сохраняется актуальность ряда сложностей с использованием положений ст. ст. 159-159.6 УК РФ (неоднозначность законодательных формулировок, трудности практического определения конкретных видов мошенничества), что наглядно свидетельствует о недостаточном уровне действенности современных уголовно-правовых положений, регулирующих институт ответственности за мошенничество.

Заключение

Уголовно-правовая конструкция «киберпреступления» распространяется на широкий спектр противоправных деяний, направленность которых не ограничивается исключительно чужим имуществом, предусматривая также иные объекты, находящиеся под защитой уголовного законодательства нашего государства (например, цифровые данные, фундаментальные базовые права личности и пр.). С нашей точки зрения, это понятие искусственно расширено. Основным отличительный признак дистанционного мошенничества выражается в отсутствии непосредственных взаимодействий преступника и пострадавшего. В свою очередь, цифровое мошенничество может предусматривать прямые взаимодействия, при обязательном условии задействования цифровых информационных технологий в процессе осуществления противоправного намерения.

Библиография

1. Бадзгардзе Г.Д. Вопросы установления места совершения мошенничества, осуществленного с использованием информационных технологий: криминалистический и уголовно-процессуальный аспекты // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 2. С. 157 - 163.
2. Бегишев И.Р. Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2017. 204 с.
3. Боровских Р.Н., Зыков Д.А., Семенов С.А. Некоторые проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 159-159.6 Уголовного кодекса РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 64-66.
4. Боронина А.Е. Использование информационных технологий как способ совершения хищения // Вестник науки. 2023. № 11. С. 252 - 257.
5. Гундериц Г.А. Использование информационных технологий в качестве способов совершения преступления // Противодействие правонарушениям, совершаемым с использованием информационных технологий: сборник статей по материалам научно-практической конференции (III школы-семинара молодых ученых-юристов). Москва, 2020. С. 11 - 17.
6. Ибатуллина Д.М. Объективные признаки цифрового мошенничества и их значение для квалификации деяния // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 1 (59). С. 66 - 73.
7. Пучков Д.В. Уголовно-правовая модель защиты телекоммуникаций от преступных посягательств: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4. Екатеринбург, 2022. 474 с.
8. Сергеев А.Ю., Широкова О.В. Мошенничество в цифровом обществе в условиях социальных изменений // Цифровая социология. 2023. № 1. С. 59 - 71.

Current Issues in Qualifying Crimes Under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation

Valentin V. Tertyuk

Graduate Student,
A.S. Griboyedov Moscow University,
105062, 1c1 Chaplygina str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: impe.griboedova@iile.ru

Abstract

This study analyzes the challenges in criminal law qualification of offenses under Articles 159.1-159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation. The research methods include analysis,

Tertyuk V.V.

generalization, formalization, and specification. The author concludes that the current criminal law framework has undergone numerous substantial amendments and additions, necessitating an expansion of legal provisions on liability for "special types" of fraud. This development has created complexities in qualifying these criminal acts, particularly in law enforcement practice concerning digital fraud. The findings reveal that the key distinguishing feature of remote fraud is the absence of direct interaction between the perpetrator and the victim. Conversely, digital fraud may involve direct interactions, provided that digital information technologies are employed in the commission of the unlawful intent.

For citation

Tertyuk V.V. (2025) Aktualnye problemy kvalifikatsii prestupleniy, predusmotrennykh st. 159 UK RF [Current Issues in Qualifying Crimes Under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (4A), pp. 357-363.

Keywords

Fraud, special types of fraud, qualification challenges, digital fraud, crime qualification, remote fraud.

References

1. Badzgaradze G.D. Issues of establishing the place of fraud committed using information technology: criminalistic and criminal procedural aspects // *Siberian Legal Review*. 2022. No. 2. pp. 157-163.
2. Begishev I.R. The concept and types of crimes in the field of digital information circulation: dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.08. Kazan, 2017. 204 p.
3. Borovskikh R.N., Zykov D.A., Semenov S.A. Some problems of the qualification of crimes provided for in Articles 159-159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2020. No. 3. pp. 64-66.
4. Boronina A.E. The use of information technology as a way to commit theft // *Bulletin of Science*. 2023. No. 11. pp. 252-257.
5. Gunderich G.A. The use of information technology as a means of committing a crime // *Countering offenses committed using information technology: a collection of articles based on the materials of the scientific and practical conference (III school-seminar of young legal scientists)*. Moscow, 2020. pp. 11-17.
6. Ibatullina D.M. Objective signs of digital fraud and their significance for the qualification of the act // *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. Vol. 16. No. 1 (59). pp. 66-73.
7. Puchkov D.V. Criminal law model of protection of telecommunications from criminal encroachments: problems of theory and practice: dissertation by Dr. Yurid. Sciences: 5.1.4. Yekaterinburg, 2022. 474 p.
8. Sergeev A.Yu., Shirokova O.V. Fraud in the digital society in the context of social change // *Digital Sociology*. 2023. No. 1. pp. 59-71.